

Анна
ШАХОВА

Анна
ШАХОВА

*Трушков
и Волков*

ACT
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш32

Оформление обложки — Яна Половцева

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или Любой ее части воспрещается
без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения
закона будут преследоваться в судебном порядке.

Шахова, Анна

Ш32 Про шакалов и волков: [роман] / Анна Шахова. —
Москва : АСТ, 2014. — 317, [3] с.

ISBN 978-5-17-082481-6

Изысканный вечер поэзии, собравший московский бо-
монд, лишь дьявольский трюк. Смертельная западня. Стая
мстителей прекрасно организована и вооружена. Их требова-
ния будут исполнены, ведь на кону — полсотни жизней.

Но так ли очевидно все то, что представляется дьявольским
фарсом? Кто — хищник, Кто — жертва?

Все предстанет в истинном свете, когда будет сброшена ма-
ска с истинного кукловода, сочинившего эту отчаянную пьеску
про шакалов и волков...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шахова А.
© ООО «Издательство АСТ»

*Все животные равны, но некоторые
животные более равны, чем другие.*

Дж. Оруэлл. Скотный двор

*Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки...*

О. Манделштам. Век

Славик, которого соратники называли Весельчаком или Веселом, проверил собранную для поездки сумку: только самое необходимое на первое время. Порядок! Оружие — «макаров», к которому Весел привык за год стрельб, будет на месте, когда «Четыре волка» приступят к операции. В Отце сомневаться не приходилось, он никогда не подводил. И дал «семье» все: подъемные, правильный образ мыслей, уважение. Теперь они сами должны добыть власть и деньги. Щенки подросли — стае пора выходить на охоту.

Этот — Первый волк — был видным, тренированным, с красивым надменным лицом и властными замашками. Его жесткий взгляд из сверстников мало кто выдерживал. Весел еще раз взглянул на форменную одежду, лежащую в сумке

сверху, и застегнул молнию. Он ухмыльнулся, закрутив в тугий пучок на макушке хвост из русых волос. «Оказывается, быть официанткой — целая наука. Пятнадцать раз вчера поднос ронял, даже сопливый Килька ржать начал. Ну ничего, соберемся на месте». Умения концентрироваться и силы воли Веселу было не занимать.

— Славочка, иди! Картошка на столе! — донесся голос бабушки из кухни.

«Картошка... — ощерился Первый волк. — Скоро я забуду, как страшный сон, ненавистный запах жареной картошки с луком. Мясо с кровью и вино — вот рацион, достойный нашей стаи-семьи».

Родной отец умер, когда Весел лежал в пеленках, мать быстренько выскочила замуж и уехала в Германию, где благополучно забыла о своем первенце: она нарожала «фашисту» троих погодков. Единственный родной человек Вячеслава — бабка — сдавала в последние месяцы на глазах, стала плаксивой и почти не выходила из дома. «Ничего, в Швейцарии бабахен подлечим — будет как новая, еще в кругосветном путешествии бойфренда найдет», — хмыкал про себя Весел, глядя на то, как старуха очередной раз перебирает свою «похоронную амуницию» — беленькую блузочку с искрой и платок-паутинку.

Весел вышел из комнаты, нацепив вальяжную улыбку — с бабулей он всегда держался покровительственного тона, который та обожала. Впрочем,

бабка у двадцатидвухлетнего выпускника Академии бизнеса, права и коммуникаций Вячеслава Рыкова и впрямь была мировая. Без вопросов.

Петруччо решил не трогать родителя, упавшего в коридоре: «Хрен бы с ним — не дотянул, скотина пьяная, до дивана — сам виноват. Сука... И мать сука. Вообще неизвестно, где шлындается. Ночью вроде снова животом маялась, стонала. Отмучилась бы уже, что ли, — перепила бы палёнки». Петр Изотов — двадцатиоднолетний автослесарь, черноглазый, коренастый, с нервным узким ртом, — с ночи не мог унять колотящееся сердце. Чего он испытывал больше — страха или восторга, — и сам не понимал. Дело! Наконец-то стоящее дело, которое откроет перед ним новую жизнь. Все получится. В этом у Второго волка сомнений не возникло ни на минуту: у Отца все и всегда получалось. Он — гений, каких мир не видывал. Жаль, что открыть это невозможно будет ни сегодня, ни через сто лет. Жаль! Впрочем, каждый отвечает сам за свой выбор. Петруччо (вот назвали же соратнички истинного русского наци гнидовским именем! — шутники проклятые) свой выбор сделал раз и навсегда. А потому — с Богом!

Перекрестившись и закинув на плечо сумку с форменной одеждой, Второй волк переступил через пьяного папашу, ничком лежавшего поперек коридора, и открыл входную дверь. В животе заур-

чало. Не только от волнения: есть хотелось, как всегда, нестерпимо. «Ну да ладно, перекантуемся. Скоро не только жратвы невиданной навалом будет, но и выпивкой зальемся. И не той сивухой, от которой загибаются никчемные слабаки-предки, а настоящей, волчьей!»

Илья Миусов, или Килька, — прозванный так за узкое телосложение и бессловесность от необоримой стеснительности, чувствовал себя самым бесправным и униженным во всей стае. Хотя при первой переключке Отец дал ему звание Третьего волка (это вроде бы вышло случайно, в таком порядке «щенки» сидели за столом перед благодетелем), Килька тогда почувствовал, что Отец сильно обрадовался этому формальному наименованию, по которому двадцатидвухлетний электрик хоть в чем-то нарушил установившуюся традицию плестись в хвосте. Всегда и во всем. Вот и сейчас, складывая предметы первой необходимости в рюкзак (Килька отличался предусмотрительностью и, похоже, единственный из всей четверки не верил в безоговорочный успех операции), волчонок злился на то, что один не имеет собственного оружия, вечно стреляет из Отцовского. Другие члены стаи даже брали пару раз пистолеты с собой. Но это была чрезвычайная ситуация, после которой Отец оружие у всех отобрал и выдавал на стрельбах.

Конечно, с Килькой все было сложнее, он жил в общежитии при стройкомбинате, под надзором

чужих любопытных глаз — не всегда трезвых и адекватных. Ни малейшего риска при подготовке сложного дела допускать не позволялось, потому Илья с волнением ждал, когда получит своего «макарова» и автомат на месте, из рук Отца. Но все же... Идти с земляничным мылом и зубной щеткой на захват — цирк, да и только! Но жизнь научила Кильку терпеть и смиряться. Даже когда он готов был прикончить упряя-Носова, подставившего его тетку — единственного родного человека, сгинувшего в тюрьме по обвинению в бухгалтерских махинациях, Илья смог взять себя в руки, устроиться на работу, а не размахивать кирпичом. Что кирпич? Ну, убил бы он ворюгу-директора, а дальше? Сел на десять лет и тоже загнулся там, как тетка, от воспаления легких? Не-ет, он знал, что рано или поздно судьба подбросит шанс отомстить и восстановить справедливость. Так оно и случилось. Отец поверил в него, позвал в «Четыре волка», и теперь Килька — не вонючая безмозглая рыба, а твердо стоящий на ногах хищник — обученный и страшный.

— Куда бежишь, маладой-карасивий? — дорогу Кильке, идущему по коридору, преградил бетонщик Армен, видно, уже порядком накурившийся.

— Куда надо, — огрызнулся Илья.

— Как ты гаваришь со старшим братом, дырань? — завопил Армен, остановившиеся глаза которого налились яростью.

— Иду к Кольке-прорабу рассказать, как ты государственный бетон сливал у коттеджа на Лесной, — выпалил волчонок и дал деру. Вслед ему понеслись отборные проклятия. Килька удовлетворенно улыбнулся: «Ори-ори, сволота. Больше ты меня не увидишь. Никогда в жизни!»

Аркадий Свешников, или Аркан, менее других восхищался Отцом и доверял ему. Он принадлежал к особой породе людей, начисто лишенной способности любить. Запредельную нечеловеческую холодность Аркана чувствовали и его товарищи, которые с опаской, но уважительно относились к интеллигентному, всегда аккуратному и тихому Четвертому волку с внешностью белокурого Иванцаревича. Настороженно относился к Аркану и Отец. Почему он вообще позвал двадцатитрехлетнего химика-технолога, презиравшего свою работу, так же, как он презирал любую жизнедеятельность (кроме, пожалуй, созерцательного лежания под пальмой)? Аркан считал, что ушлый Отец прозревал в нем уникальную способность идти до конца. Если понадобится, для достижения целей Свешников мог прибегнуть к ЛЮБЫМ средствам. Для него не были святы ни семейные узы (в самом деле, смешно уважать или быть благодарным нищим кандидатам наук за то прозябание, на которое они обрекли сына с рождения), ни человеческие жизни, ни красота или привязанность женщин, которых Аркан брез-

гливо презирал и в лучшем случае мог находить в общении с ними юмористический или корыстный аспект. О такой высокопарной ахинее, как любовь к Отечеству, верность убеждениям или религиозному учению, говорить и вовсе не приходилось. Это, кстати, становилось не раз поводом к жестоким, до рукопашных, стычек Аркана с Петруччо — тем еще бритоголовым фанатиком. Впрочем, конфликты быстро иссякали, потому что Аркан не считал нужным затрачиваться на столь ничтожные рокировки. В сегодняшнем, особом деле, Четвертого волка интересовала исключительно финансовая сторона. Куш брезжил баснословный, и, судя по тем фактам, которыми располагал Аркадий, операция могла увенчаться безоговорочным успехом.

Не желая нудных объяснений с родителями (благо, они пускали умильные слюни на даче по поводу «подготовки участка к зиме»), он написал короткую записку — мол, уехал в связи с новой работой, не ждите, будет возможность — позвоню. Сунув записку под сахарницу, взял подготовленную сумку с униформой, бельем, таблетками спазгана от вечных мигреней и огромным пакетом жареных семечек. В конце концов, сильный человек мог себе позволить единственную слабость?!

Аркадий вышел из квартиры, запер дверь и напроць забыл о существовании дома, в котором вырос, и людей, которых называл родителями. Он мог думать только о себе и о деле.

Снова природа одарила Москву длинной теплой осенью. Если бы не робкое солнце, рано клонящееся к закату, не растерянность обнажившихся деревьев, с которых крепнувший северный ветер дорывал помпезные одеяния, казалось, что бабье лето навечно поселилось в наших широтах, дав, наконец, отпор холоду и тьме серых зим.

«Хорошо... Как хорошо-то...» — с наслаждением вдыхала мягкий утренний воздух Марта Матвеевна Гладкая — старушка, напоминающая сдобную булочку, увенчанную шапкой сахарной глазури. Она привычно тряхнула седыми кудрями, гордо подняла голову и улыбнулась, решив еще раз обойти, а правильное сказать — просеменить по уютному, вычищенному и элегантно украшенному дворику, полновластной хозяйкой которого являлась нынешним днем.

За массивными воротами, отделяющими улицу Замазина от территории частного института, расположившегося в небольшом корпусе классического стиля и выкрашенного в излюбленный цвет русских усадеб — светлого желтка, — не сразу можно было разглядеть под раскидистой липой бюст Осипа Мандельштама. Произведение во многом спорное, а некоторые бы сказали, что и карикатурное: на трех кривовато поставленных кубах торчала мученически задранная горбоносая голова. «В этом что-то есть... Кричащее, больное...» — мягко высказала свое мнение мил-

лиардерша о памятнике, когда приехала сюда в первый раз.

Марта Матвеевна слыла персоной легендарной. Спорили, сколько лет ей на самом деле: знакомые склонялись к тому, что хорошо за восемьдесят. Но, глядя на миловидную бойкую старушку, ей можно было дать не больше семидесяти. Рожденная миллионщиками-купцами, сбежавшими от угара революции в США, Марта Матвеевна познала и нужду, и раннее сиротство. Отец ее разорился и спился, вложив неудачно ценные бумаги, а мать умерла от рака. Основная забота о воспитании Марты легла на тетку — женщину властную и грубую, спуску не дававшую и собственным многочисленным отпрыскам. Но Марта отличалась, несмотря ни на что, легким нравом и удивительным обаянием — красоткой ее бы никто не назвал, но милашкой — непременно. Неудивительно, что в умненькую хохотушку влюблялись многие молодые люди. Но Гладкая выбрала, к всеобщему удивлению, не красавца-автогонщика и не восходящую звезду Голливуда, а химика-органика. Эдвард специализировался на экспериментах с сахарозой и избрал один из лучших заменителей сахара, бум на которые начался во второй половине двадцатого века повсеместно. Состояние Джонсонов—Гладких после смерти главы семьи перевалило за миллиард долларов. Вдова, пережившая мужа уже на четверть века, не только преумножила капитал,

но и умудрялась тратить баснословные суммы на благотворительность. Единственное, что омрачало жизнь Гладкой, — отсутствие детей-наследников.

Не иначе как разорвавшейся бомбой стало сообщение о том, что миллиардерша решила провести остаток дней на родине предков — в России. Да не просто обосноваться в Москве и прокатиться по знаковым культурным местам, а еще и устроить несколько благотворительных акций. Первую Гладкая наметила на середину октября и назвала «Слава Цеху поэтов!».

Марта Матвеевна смолоду любила и знала поэзию Серебряного века и особо почитала творчество Николая Гумилева и его единомышленников, основавших в 1911 году Цех поэтов. Ровно сто лет назад, в 1912 году, внутри Цеха образовалось творческое ядро из шести человек, назвавших себя акмеистами. (Сердце Марты Матвеевны замирало от восторга перед мощью звучания этого греческого слова: цветущая сила! Вершина зрелости, пик расцвета.) Трое — гении русской поэзии — Ахматова, Мандельштам и Гумилев, несмотря на распад группы с началом Первой мировой войны, считали себя акмеистами до конца дней. Почтить память именно этих великих соотечественников Гладкая считала своим долгом.

Приготовления к поэтическому вечеру были в разгаре. Сцена на улице, под навесом, почти го-

това: рояль, огромные динамики, два микрофона, настраиваемые лохматыми, рокерского вида парнями. Задник сцены, которым служила стена особнячка-института, украшали исполинские фотографии трех стихотворцев. Волоокий горделивый Гумилев, открытый лоб которого перерезался линейкой редких волос; малоизвестная фотография молодой Ахматовой со смущенным, испытующим взглядом: меховое манто, шляпка-колокол, рука теребит нитку длинных бус; а фотография Мандельштама — одна из самых известных, поздних. Поэт будто остановился на полуслове — рука приподнята, взгляд теплый, дружественный.

Проходя мимо импровизированного кафе: белоснежные скатерти на столиках, вазочки с хризантемами, П-образная стойка с закусками и фруктами, вокруг которой суетились официанты, подпоясанные алыми кушаками, в белоснежных штанах и рубахах (наряды половых начала двадцатого века), Гладкая разругалась от удовольствия. Как верно подобрала она этот замечательный московский уголок для лелеемого поэтического вечера!

— Марта Матвеевна! — тронул ее за локоть, смущенно кашлянув, верный начальник охраны Павел Павлович Грунов. Он был импозантен, как стареющий киногерой. Но глаза — сосредоточенные, черные — пронизывали собеседника, и от тяжелого взгляда хотелось укрыться.